

XIX. Бесплезность реформ.

Разбирая вопрос о том, что заставляет нас быть революционерами, мы уже видели, что сам современный строй порождает и нищету, и недовольство и, таким образом, неизбежно ведет к революционному протесту; а раз уже мы, самой силой вещей, принуждены участвовать в этой революции, то самое лучшее, что мы можем сделать, это – начать к ней приготавливаться. Есть и еще одно соображение, о котором мы упоминали лишь вскользь, но которое также очень важно; оно объясняет почему анархисты не борются за осуществление некоторых реформ, которые многие представляют рабочим как лекарство от всех зол, или как средство достигнуть освобождения мало-помалу и мирным путем.

Мы убеждены в том, что при существующем капиталистическом строе, при делении общества на два класса, из которых один живет на счет другого, всякое улучшение в положении класса эксплуатируемого будет, вместе с тем, ослаблением привилегий класса эксплуататоров. Поэтому одно из двух: или данная реформа есть ничто иное как мираж, как приманка, выдуманная для того, чтобы усыпить рабочих и, заставить их потратить все свои силы на приобретение мыльных пузырей, которые тотчас же лопнут, как только их захотят взять в руки, или же эта реформа действительно может изменить положение дел. В последнем случае привилегированный класс, стоящий у власти, сделает все возможное, чтобы помешать её осуществлению, или обратить ее в свою пользу, и тогда рабочим придется опять-таки прибегнуть к решительному средству, к силе.

Мы не думаем заниматься разбором всех планов реформ, всех избирательных фантазий, изобретаемых ищущими новинок политиками или жаждущими избрания кандидатами: для этого нам потребовались бы целые томы. Но мы надеемся, что читатель уже убедился в том, что источник существующей бедности лежит в плохом экономическом строе, и что он легко поймет, почему мы оставляем в стороне все реформы, относящиеся к чисто-политическим переменам. Что касается реформ экономических, то таких, которые стоило бы разбирать, очень немного и их легко перечислить: это – подоходный налог, сокращение рабочего дня и установление минимума заработной платы, увеличение налогов на наследства и уничтожение права наследства для наследников не по прямой линии. Прибавим к этому еще и устройство рабочих синдикатов, и превращение их в потребительные товарищества, и мы получим весь реформаторский багаж тех, кто хочет преобразовать общество путем постепенной эволюции. По количеству это немного; посмотрим, каково качество.

Во-первых, подоходный налог. Его уже давно проповедуют как лекарство от всех зол, но понемногу он начинает терять свое прежнее обаяние. Это – одна из тех реформ, которыми различного рода политики успешнее всего прельщали рабочих и которые пользовались наибольшей популярностью: в самом деле эта реформа, казалось, должна была возложить

заботу о государственных издержках на богатых и восстановить некоторое равновесие в обществе, заставив каждого члена его участвовать в расходах сообразно количеству тех услуг, которые общество ему оказывает.

Но стоит только внимательнее присмотреться к общественному механизму и поискать, в чем состоят действительные источники богатства, чтобы увидеть, что эта реформа не может изменить ничего, что она – ничто иное, как грубая ловушка для рабочих, с целью подать им ложную надежду на неосуществимые улучшения и помешать искать более действительных средств к освобождению.

Есть, правда, среди буржуазии люди, которые, при одном намеке на подходящий налог, пугаются и уже представляют себя «ограбленными» в пользу «черни»; людей, которые дрожат и прячутся при малейшей тревоге, что не мешает им кричать точно их режут, как только кто-нибудь сделает вид, что хочет тронуть их привилегии, не мало среди буржуазии. Возможно также, что в числе тех, кто защищает эту реформу, есть и люди искренние, действительно верящие в её полезность. Во всяком случае, как крики ужаса одних, так и наивная вера других, ведут к тому, что обманутые рабочие принимают эту игру за серьезное дело и перестают слушать тех, кто доказывает, что им нечего ждать от эксплуататоров и что действительно освобождение наступит для них только тогда, когда эти эксплуататоры исчезнут.

В старые времена, когда существовала десятина, рабочий народ знал, сколько именно он платит своим господам и угнетателям: столько-то шло помещику, столько-то попу, столько-то тому, столько-то другому. В конце концов, он заметил, что для него самого остается при такой системе слишком мало, и устроил революцию. Власть перешла в руки буржуазии, а так как народ боролся за уничтожение десятины, то восстановить ее было бы слишком неосторожно. И вот, буржуазия изобрела прямые и косвенные налоги. Та же десятина продолжала взиматься по-прежнему, но только деньги государству платили прежде всего капиталисты, торговцы и различного рода посредники, которые уже затем с избытком вознаграждали себя на счет карманов производителей и потребителей. А так как последние не имеют дела непосредственно с казной, то они и не могут дать себе точного отчета в том, сколько именно они платят; все идет таким образом, к лучшему в лучшем из буржуазных миров.

Во Франции, говорят нам, на каждого человека приходится от 130 до 140 франков податей в год; ведь это – сумма настолько незначительна, что не стоит отказывать себе в удовольствии иметь за такую дешевую плату, почти даром, правительство, которое берет на себя заботу о вашем благополучии! Это, конечно, даром, но дело в том, что, рабочий не замечает, что, так как только он производит, то только он и платит: он вносит не только ту сумму, которая приходится на его долю, но и то, что приходится на долю разных паразитов, живущих продуктами его труда.

Сколько бы софизмов не пускали в ход буржуазные экономисты ради оправдания существования капиталистов, во всяком случае несомненно одно: капитал сам умножаться не может, а может быть только продуктом труда; но так как капиталисты сами не работают, то их капитал должен быть результатом труда других. Вся торговля между отдельными

личностями и между народами, весь обмен, все международные сношения – все это существует благодаря труду, а барыш, получаемый различными посредниками, есть ничто иное, как та же десятина, взимаемая владельцами капитала с труда производителей.

Если мы получаем от земли различные продукты: хлеб, овощи, плоды, служащие нам в пищу, лен и коноплю, которые мы употребляем на одежду, то разве мы обязаны этим вложенному в землю капиталу? Разве благодаря ему существуют пастбища для нашего скота? Разве одной силы капитала было бы достаточно для получения из копей металлов, нужных нам в разных отраслях нашей промышленности, для машин и для всевозможных инструментов? Разве капитал обрабатывает сырой материал и превращает его в предметы потребления? Никто не решится этого утверждать, и даже сама буржуазная политическая экономия, все сводящая к капиталу, не идет так далеко: она старается только доказать, что раз капитал необходим для всякого промышленного предприятия, он имеет право на долю – и притом самую большую – в получаемой прибыли, в вознаграждение за тот риск, которому он якобы подвергается.

Чтобы показать бесполезность капитала, прибегнем к известной и много раз уже служившей гипотезе: представим себе, что все виды денег – золотые и серебряные монеты, банковые билеты, векселя, чеки и другие ценные бумаги – исчезли; что же, неужели производство от этого приостановится? Неужели крестьянин перестанет обрабатывать землю, углекоп – работать в копях, фабричный рабочий – производить различные предметы потребления? Неужели рабочие не найдут средства устроить обмен продуктов и продолжать жить и производить, несмотря на устранение денег? Ответ на эти вопросы может быть только один, и он ясно показывает нам, что капитал служит лишь маской, скрывающей бесполезность общественных паразитов и позволяющей им взимать за свое посредничество дань с рабочего класса. Поэтому, к каким бы средствам государство не прибегло для обложения налогами доходов с капитала, эти налоги в конце концов все равно падут на производителей, потому что и сами доходы зависят исключительно от труда этих последних.

Чем больше будет этот налог, тем большей тяжестью он ляжет на рабочих, а разного рода посредники еще увеличат ее. И, в конце концов, благодаря недостаткам, присущим нашему общественному строю, хваленая реформа обратится в новое орудие эксплуатации и грабежа.

После подоходного налога, уже пережившего время наибольшей своей популярности, самой излюбленной реформой является в настоящее время сокращение рабочего дня с установлением минимальной заработной платы.

Установить – в пользу рабочих – известные определенные отношения между трудом и капиталом, добиться того, чтобы работать не двенадцать часов в день, а восемь – кажется, с первого взгляда громадным шагом вперед; поэтому ничего удивительного, если многие увлекаются этим палиативом и употребляют на достижение его все свои силы, в полной уверенности, что работают для освобождения рабочего класса. Но мы уже видели, когда нам пришлось говорить о государственной власти, что у этой власти есть только одна задача: это – поддержание существующего порядка вещей. Поэтому, требовать, чтобы

государство вмешивалось в отношения между трудом и капиталом, значит идти наперекор всякой логике: это вмешательство может оказаться выгодным только для тех, чьи интересы государство призвано защищать. Мы уже видели на примере подоходного налога, что роль капиталиста – существовать на счет настоящего производителя; поэтому, советовать рабочим просить у буржуазии ограничить свои доходы, когда она только и старается о том, чтобы их как-нибудь увеличить, – значит не больше не меньше, как жестоко смеяться над ними. Даже для политических изменений, гораздо менее важных, чем это, и то потребовались целые революции.

Если рабочий день будет уменьшен до восьми часов, говорят нам защитники реформы, это уменьшит безработицу, происходящую от перепроизводства, и даст возможность рабочим поднять впоследствии заработную плату. С первого взгляда, это рассуждение кажется вполне правильным, но для всякого, кто попытается дать себе отчет в явлениях, связанных с современным строем нашего так называемого общества, скоро станет ясна ошибочность его.

Мы уже видели выше, что излишек товаров в торговых складах происходит не от слишком больших размеров производства, а от того, что большинство производителей живет в нужде и не может потреблять столько, сколько ему нужно. Самый правильный путь для рабочего, чтобы обеспечить себе работу, это – захватить в свои руки все те продукты, которых его лишают и употребить их на удовлетворение своих потребностей. На этой стороне вопроса мы поэтому останавливаться не будем; мы хотим только показать, что эта реформа не может принести рабочим и никакой денежной выгоды.

Когда капиталист вкладывает свои капиталы в какое-нибудь промышленное предприятие, он имеет в виду, что это предприятие будет приносить ему доход. При настоящих условиях, например, он считает, что для получения известного барыша ему нужно десять, одиннадцать или двенадцать часов труда его рабочих. Если вы уменьшите продолжительность рабочего дня, эти расчёты нарушатся, и барыш предпринимателя падет, а так как капитал непременно должен приносить ему известный определенный процент и весь труд капиталиста именно в том и состоит, чтобы найти путь к этому, покупая как можно дешевле и продавая как можно дороже (т. е. обкрадывая как можно лучше всех тех, с кем он входит в сношения), то он примется искать нового способа наживы, с целью вознаградить себя за понесенный убыток.

Ему представятся для этого три пути: или повысить цену продуктов, или уменьшить плату рабочим, или, наконец, заставить этих последних производить в восемь часов то, что они раньше производили в двенадцать.

Против второго из этих способов сторонники реформы оберегаются тем, что требуют одновременного установления минимальной заработной платы. Что касается первого, то вряд ли предприниматели будут рассчитывать на повышение цен продуктов, потому что им помешает в этом конкуренция; но во всяком случае, если бы дороговизна жизни возросла по мере увеличения заработной платы, то это послужило бы доказательством того, что всю тяжесть реформы опять-таки придется нести рабочему. Если он будет получать за восемь часов работы то же, что получает теперь, то его положение окажется худшим, потому что

повышение цен сделает для него этот заработок сравнительно меньшим.

На примере северной и южной Америки мы видим, что повсюду, где рабочему удалось добиться высокой заработной платы, одновременно с этим увеличилась дороговизна жизни: если рабочему случается получать в день двадцать франков, то это значит, что для того, чтобы жить так, как может жить человек, имеющий хороший заработок, ему нужно было бы двадцать пять; этот заработок всегда, таким образом, остается ниже среднего необходимого уровня.

Но в наш век пара и электричества, конкуренция требует от производства быстроты и дешевизны; поэтому для вознаграждения своих убытков эксплуататоры не будут особенно рассчитывать на вздорожание продуктов. Самым удобным средством охранить свои барыши явится для них третье, т. е. они постараются заставить рабочих производить в восемь часов то, что они производили в двенадцать.

Рабочему придется работать быстрее, а благодаря этому то загромождение рынка товарами и та безработица, которых хотели избежать, останутся прежними: размеры производства не изменятся, а возможности потреблять будет у рабочего не больше, чем теперь.

Но этой безуспешностью реформы дело не ограничится: уменьшение рабочего дня поведет за собой, прежде всего, введение более совершенных машин и замену живого рабочего рабочим железным. В благоустроенном обществе это было бы шагом вперед, но в нашем – оказывается только лишней причиной бедности. Кроме того, при более скорой работе, рабочему придется усилить быстроту своих движений, больше сосредоточиваться на своей работе, а это напряжение сил всего организма будет для него еще более вредным, чем продолжительность труда. Правда, он будет работать меньшее число часов, но он будет тратить в это гораздо более короткое время больше сил, а потому будет утомляться сильнее и скорее.

Если мы обратимся к примеру Англии, на которую нам указывают сторонники реформы и где рабочий день сведен к 9-ти часам, то мы увидим, что это «улучшение» является, в действительности скорее «ухудшением» для рабочих. В подтверждение сошлемся на того самого Маркса, которого инициаторы реформы считают своим оракулом.

В первом томе «Капитала» мы находим следующую выдержку из доклада одного фабричного инспектора (стр. 418 первого русского издания): «Так, например, относительно гончарного производства фирма Cochrane под названием «Britain Pottery, Glasgow» говорит: «чтобы поддержать количество продуктов, мы усиленно вводим в употребление машины с неискусными рабочими, мы ежедневно более и более убеждаемся, что можем этим путем производить больше, нежели старым способом»... «Влияние фабричного закона выражается в том, что он понуждает к дальнейшему введению машин».

А на стр. 370 мы находим следующее:

«Потому, хотя инспекторы фабрик без устали, имея на это полное право, восхваляли благоприятные результаты фабричных законов 1848-1850 гг., однако они сознаются, что сокращение рабочего дня вызвало усиление напряжения труда, разрушающее здоровье, а,

следовательно, и саму рабочую силу. «Кажется в большей части хлопчатобумажных, шерстяных и шёлковых фабрик изнурение, вследствие возбуждённого состояния, - необходимого для работ при машинах, движение которых в последние годы так необыкновенно ускорилося, составляет одну из причин сильно увеличивающейся смертности от болезни лёгких», как показал D-r Greenhow в своём превосходном последнем отчёте. Коль скоро капиталу преграждён законом путь **удлинения рабочего дня**, то не подлежит ни малейшему сомнению[38], что он будет стремиться наверстать это систематическим повышением **степени интенсивности** труда, и обратить каждое усовершенствование машины в средство сильнейшего высасывания рабочей сил. Но это стремление, дойдя до известной степени, необходимо ведёт за собой новое сокращение рабочих часов».

Итак, замена рабочего машиной и большая опасность заболеть для того, кто работает, вообще – уничтожение всякого влияния реформы и возвращение к исходной точке (даже оставляя в стороне происшедшие ухудшения) – таковы выгоды этой благодетельной реформы. Результаты, кажется, достаточно ясные.

«Все это – правда», возразят нам, «но ведь развитие машинизма все равно произойдет, даже если мы будем работать двенадцать часов. Уменьшение рабочего дня все-таки вносит хотя бы временное улучшение, потому что дает нам возможность оставаться на фабрике не двенадцать часов, а всего восемь, а это – нравственная победа, которой мы пока и довольствуемся». Такое возражение показывает только, что наши противники обладают добрым сердцем и довольствуются малым; но мы, анархисты, – более требовательны и находим, что нечего попусту терять время, гоняясь за преобразованиями, которые равно ничего не преобразуют. Стоит ли пропагандировать меру, которая хороша только пока не применена на практике, а как только переходит в жизнь, так обращается против преследуемой цели?

Машинизм, конечно, постепенно развивается, но в настоящее время это развитие, благодаря господствующей рутине, совершается довольно медленно. Известно, сколько сил приходится употребить на то, чтобы заставить принять какое-нибудь новое изобретение: эксплуататоры порывают с рутинной только тогда, когда им приходится сделать это под угрозой разорения. Все это ускоряет ход событий и приближает ту социальную революцию, которую мы предвидим. А так как она все равно неизбежна, то мы не хотим быть застигнутыми врасплох и стараемся приготовиться заранее, чтобы в момент, когда она произойдет, воспользоваться ей соответственно нашим убеждениям. Мы стремимся внушить рабочим, что им нечего ждать от подобного рода детских забав и что единственный путь к преобразованию общества, это – разрушение управляющих им учреждений.

В самом деле, давящее на нас эксплуататорское общество слишком хорошо организовано для того, чтобы вся его деятельность изменилась от маленького преобразования в его механизме, от маленького улучшения в его приемах. Мы уже видели, что всякое улучшение, всякое новое усовершенствование тотчас же обращается во вред трудящемуся классу и становится новым орудием эксплуатации в руках тех, кто захватил в свои руки все общественное богатство. Если вы хотите, чтобы прогресс был полезным для всех, если вы хотите действительного освобождения рабочего, вы должны начать с уничтожения причины

того зла, с которым вы боретесь.

Бедствия рабочих происходят от того, что они вынуждены производить на целую армию паразитов, сумевших захватить в свою пользу львиную долю продуктов. Если вы относитесь к делу искренно, не теряйте же времени на согласование непримиримых интересов, не старайтесь об улучшении положения, которое ничего хорошего дать не может; уничтожьте лучше общественный паразитизм. А так как этого нельзя ожидать от людей, которые сами – ничто иное, как паразиты, и, вместе с тем, это не может быть делом никакого закона, то мы и говорим, что систему эксплуатации нельзя улучшить, а можно только уничтожить.

Кроме этих двух реформ, существует еще одна, которой некоторые, даже просвещенные умы, придают известное значение: это – увеличение налога на наследство по косвенной линии.

Последствия этого были бы совершенно те же, как при введении подоходного налога. Кроме того, мера эта могла бы быть применена только к поземельной собственности, во всем же остальном ее совершенно парализовало бы развитие анонимных и акционерных обществ – развитие, которое тогда, несомненно, пошло бы еще быстрее. Вместо того, чтобы быть собственниками своих имений, усадеб, домов и лесов для охоты, богачи стали бы их нанимать, а отдача в наем организовывалась бы новыми анонимными обществами, на зло всем государственным мероприятиям.

Государство смогло бы контролировать таким образом лишь незначительное число наследств, и закон сделался бы совершенно бесполезным. Кроме того, благодаря массе всевозможных предварительных соглашений между теми, кто оставляет наследство, и теми, в чью пользу он хочет им распорядиться, последние всегда будут иметь возможность получить наследство и помимо прямого права наследования.

Чтобы помешать этому, пришлось бы создать сотни законов, которые стали бы вмешиваться во все человеческие поступки и отношения и мешать людям распоряжаться своим имуществом; но даже и при такой инквизиторской системе нельзя было бы быть уверенным в том, что цель будет достигнута. Чтобы заставить общество примириться с такого рода мерами, пришлось бы прибегнуть к революции или к государственному перевороту: а раз уже будет революция, то не лучше ли сделать ее ради действительного шага вперед, чем ради введения стеснительных мер?

Но даже если мы допустим, что эти меры окажут известное влияние на распределение собственности, то в чем же изменится положение рабочего? Собственность еще раз перейдет из одних рук в другие, но она опять-таки не попадет в распоряжение рабочих. Собственником сделается государство, и оно же будет заниматься эксплуатацией, а мы уже видели выше (когда говорили о государственной власти), что ничего полезного для себя рабочий от него ожидать не может. Пока деньги будут лежать в основе всего общественного устройства, до тех пор им будут управлять люди, их имеющие. Будет ли государство само непосредственно эксплуатировать те имущества, которые окажутся у него в руках, или оно отдаст их в аренду частным лицам, – операция эта все равно будет происходить в пользу тех, кто уже владеет собственностью. Допустим даже, что ей

воспользуется какой-нибудь вновь образовавшийся класс: это опять-таки будет в ущерб всем остальным.

Но чтобы допустить возможность осуществления этой реформы, мы должны были прежде всего сделать другое предложение, а именно, что буржуазия, возведшая в догмат неприкосновенность частной собственности и построившая на её законности и на необходимости её защиты все свое законодательство, – что эта самая буржуазия позволит нарушить порядок, который она сама считает незыблемым. Может ли кто-нибудь сказать, сколько времени понадобится на то, чтобы убедить буржуазию согласиться на меры, которые она будет считать посягательством на её «права»? А сколько еще времени уйдет, уже после осуществления этой реформы, на то, чтобы увидеть, что она не внесла ровно никаких изменений? И не будет ли при этом потеряно столько же времени, сколько, говорят, нужно для осуществления наших «утопий»?

Мы считаем бесполезным заниматься здесь критикой производительных и потребительных товариществ: мы хотим освобождения полного и всеобщего и знаем, что освобождение отдельной личности невозможно без освобождения всех; различные мелкие попытки частичного освобождения не имеют, поэтому, для нас интереса. Кроме того, концентрация капиталов и постоянное развитие техники, требующее все более и более крупных затрат, делают бессильным и это орудие улучшения положения отдельных мелких групп.

Есть и такие реформаторы, которые думают внести свою лепту в дело освобождения человечества, разрабатывая какую-нибудь одну область знания; но под влиянием борьбы с различного рода препятствиями они, в конце концов, доходят до того, что возводят свою мысль в какое-то магическое средство, обладающее всевозможными драгоценными качествами и долженствующее излечить наш страждущий общественный организм от всех болезней. И сколько среди этих фанатиков искренних людей! Сколько среди этого хаоса идей встречается идей ценных, которые принесли бы человечеству огромную пользу, если бы их приложить в разумном обществе; но теперь, осуществляясь по одиночке и в обществе с уродливой организацией, они могут только или привести к обратным результатам, или быть задушены в самом зародыше, не дождавшись даже своего применения.

Среди этих убежденных сторонников одной какой-нибудь мысли мы укажем на одного, очень типичного и вполне подходящего для тех выводов, которые мы хотим сделать: это – Жорж Вилль, проповедник системы химического удобрения.

Мы не намерены входить здесь в подробные объяснения этой системы. Достаточно будет сказать, что химическое исследование растений показало Виллю, что в них входит четырнадцать химических веществ и что эти вещества всегда одни и те же во всех растениях и только меняются количественно, смотря по семействам. Исследовав затем землю и воздух, он увидел, что растение может найти там десять из этих веществ и что, следовательно, остается только доставить ему, в виде удобрения, четыре остальных, т. е. известь, едкий кали, фосфор и азот. На этом он строит целый проект химического удобрения, применительно к характеру обрабатываемой почвы и возделываемого растения, и доказывает, на основании цифр, что при настоящем положении наших знаний мы могли бы получать, с меньшей, сравнительно с навозом, затратой удобрения, урожай вчетверо и

впятеро больший с той же площади земли; вместе с тем мы могли бы разводить гораздо больше скота при меньшем количестве пастбищ и таким образом понизить цену на мясо. Но при этом он спешит заключить, что ключ к решению социального вопроса лежит именно в улучшении земледелия. «Изобилие сельскохозяйственных продуктов будет выгодно для всех», говорит он, «собственники земли получают обильный урожай и смогут продавать свои продукты по низким ценам; рабочие же будут покупать их за дешевую плату и смогут жить в довольстве; они будут делать сбережения, а затем, в свою очередь станут капиталистами». Все, одним словом, пойдет к лучшему в лучшем из возможных обществ.

Мы вполне уверены в искренности г. Вилля и, насколько наши слабые познания в этой области позволяют нам судить о его системе, она кажется нам вполне рациональной. Мы нисколько поэтому не отрицаем той пользы, которую принесло бы повсеместное приложение его системы в смысле улучшения положения рабочих, если бы только рабочим, вообще, что-нибудь могло пойти на пользу в современном обществе. Его цифры только подтверждают мысль анархистов, что при тех средствах, которыми располагает современная наука, можно было бы получать такое большое количество продуктов, что их даже не пришлось бы делить, а каждый смог бы брать из общего достояния сколько ему будет нужно, соответственно его потребностям или желаниям; при этом обществу не грозило бы никакой опасности голода, – вопреки предсказаниям некоторых мрачно-настроенных пессимистов, которые думают, что только им одним свойственна добродетель умеренности. Они готовы сделать нам уступку и признаются, что сами, конечно, обошлись бы без всякой власти, но считают эту власть все-таки необходимой для подавления тех дурных инстинктов, которыми проникнуто все остальное человечество.

В маленькой брошюре, озаглавленной «Продукты земледелия» один из наших товарищей показал, на основании официальных цифровых данных, что даже при настоящем, еще детском, состоянии земледелия, общая сумма продуктов всего мира на много превышает цифру их потребления. С другой стороны, Вилль доказывает, что при разумном пользовании химическими веществами можно, не затрачивая лишнего труда, получать с земли в четыре или пять раз больше того, что она дает теперь. Разве это не блестящее подтверждение той мысли, которую мы всегда защищаем?

Но когда Вилль видит в своей системе разрешение социального вопроса, когда он думает, что, благодаря изобилию продуктов, они станут настолько дешевыми, что рабочий сможет жить так, чтобы мало тратить и делать сбережения, – он вполне ошибается. Если бы Вилль читал буржуазных экономистов, хотя бы того же Молинали[39], то он узнал бы, что «избыток продуктов на рынке» приводит к такому падению цен на них, что их производство перестает быть выгодным для капиталистов и капиталы отливают от этой отрасли производства, пока не восстановится равновесие и не вернется прежнее положение».

Если бы Вилль не был так поглощен своими учеными расчётами, а сколько-нибудь отдавал себе отчет в функционировании общественного механизма, он увидел бы, что, несмотря на огромный избыток производства над потреблением, в нашем современном обществе люди буквально умирают с голоду, что самые лучшие теоретические расчёты на практике приводят к результатам совершенно иным, чем от них ожидали. Природа, несомненно, может, при помощи человеческого ума и человеческого труда, доставить дешевые продукты

в количестве, достаточном для прокормления всего человечества; но, благодаря торговле и ажиотажу, собственники и капиталисты найдут всегда средство получить желательную сумму барыша: они уменьшают количество продуктов на рынке, чтобы иметь возможность продавать их дороже, а в случае надобности – помешают их дальнейшему производству, чтобы создать фиктивно-высокие цены и удержать их на том уровне, который кажется им желательным по их жадности и по их привычке к роскошной и праздной жизни.

Возьмем, например, уголь – продукт совершенно готовый; который остается только извлечь из земли; залежей его так много, что они встречаются на всем земном шаре и могут удовлетворить неограниченное число потребителей. А между тем цена его стоит довольно высоко, так что далеко не все могут пользоваться топливом в том количестве, какого требует температура; изобилие продукта не делает его, следовательно, более доступным для рабочих.

А зависит это от того, что копи захвачены сильными предпринимательскими компаниями, которые ограничивают производство и, кроме того, скупают, ради уничтожения конкуренции, мелкие копи, принадлежащие другим владельцам, предпочитая совершенно не эксплуатировать их, чем завалить рынок товарами, потому что это понизило бы цены и уменьшило таким образом доходы.

То же самое происходит и с землей. Каждый день мы видим, как земля мелкого собственника, разоряемого ростовщиками, переходит в руки капиталиста: с каждым днем крупная собственность все разрастается. Распространение земледельческих машин должно, кроме того, привести к образованию земледельческих синдикатов, т.е., к образованию таких же анонимных обществ, какие господствуют в эксплуатации фабрик и копей.

Если можно будет получать от земли вчетверо или впятеро больше продуктов, чем теперь, то от этого произойдет только то, что площадь обрабатываемой земли сократится, а все остальное будет обращено в места для охоты или в парки, служащие только как предмет роскоши для наших эксплуататоров. Это начинается теперь во Франции и давно уже сделано английскими лордами в Шотландии и Ирландии, где население вытесняется и уступает место оленям и лисицам, агония которых должна служить развлечением для шикарной публики – такой же публики, как та, которая аплодировала лекциям Вилля и его филантропическим соображениям.

Общество наше устроено так, что тот, кто владеет капиталом, является господином всего мира. Движение продуктов в обществе происходит при помощи капитала, а потому от этого последнего зависит все. Всякое усовершенствование, всякий шаг вперед, сделанный человеческим трудом, промышленностью или наукой – все это обращается в пользу тех, кто и так уже владеет всем; все это становится лишь новым орудием эксплуатации, еще ухудшающим ужасное положение тех, кто ничем не владеет.

Усовершенствования в производстве только делают рабочих все менее и менее нужными для капиталиста, усиливают конкуренцию между ними и заставляют их продавать свой труд за более низкую плату. Вы мечтаете быть полезным для рабочих, а существующая общественная организация делает так, что вы только содействуете их большей

эксплуатации и еще больше скрепляет сковывающую их цепь.

Да, г. Вилль, ваша мечта прекрасна: содействовать увеличению числа продуктов, так, чтобы каждый мог быть сытым, сделать так, чтобы рабочий мог скопить хоть несколько грошей, чтобы оградить себя от всевозможных случайностей будущего – это, конечно, еще не идеал, но нельзя и требовать большего от человека, который по самому своему положению огражден от всех физических и нравственных бедствий, грозящих обездоленной массе. Это, во всяком случае, очень хорошо, но увы! это останется мечтой до тех пор, пока вы не разрушите существующую систему эксплуатации, благодаря которой все заманчивые обещания превращаются в лживые и обманчивые иллюзии. У капитализма в распоряжении есть много сил, и если мы даже допустим, что изобилие продуктов действительно понизит их цены до такой степени, что рабочий сможет сберегать часть своего заработка, то тогда явится другой фактор, о котором вы сами упомянули – рост населения.

В настоящее время промышленный рынок завален товарами; вместе с тем, вследствие развития машин, с каждым днем увеличивается число рабочих без работы. Чтобы найти работу, им остается только одно средство: взаимная конкуренция и понижение заработной платы. А так как механический прогресс идет все быстрее и быстрее, и уже теперь один человек может производить все, что нужно для потребления десятерых, то при удвоении населения количество произведенных продуктов увеличится в двадцать раз; при этом то изобилие, которое должно было послужить на пользу рабочих, послужит исключительно на увеличение барышей капиталиста, который будет платить своим рабочим тем меньшую плату, чем в большем числе они окажутся на рабочем рынке.

Вы говорите, что требования рабочих до известной степени законны – лишь бы только они не принимали насильственной формы; но подумали ли вы о том, что рабочие борются уже целые тысячелетия, что их никогда не удовлетворявшие требования появились вместе с зарождением исторической жизни? Если они и выливаются в резкую форму, то только потому, что им не дают никакого удовлетворения. Неужели же рабочие должны бесконечно стоять на коленях перед своими эксплуататорами и благодарить их, когда они знают, что если им и удавалось чего-либо достигнуть, то они должны были предварительно сломить волю своих господ, и взять силой ту свободу, к которой стремились. Правящие классы смотрят на нас, как на рабов и потому совершенно естественно, что они презрительно говорят: «Изложите вашу просьбу в вежливой форме и мы посмотрим, сможем ли мы ее исполнить»; но мы, которые видим в освобождении рабочих не уступку, а акт справедливости, скажем просто: «Мы требуем этого!» Если же каким-нибудь баричам[40] этот тон не понравится, то как им будет угодно.

В давящем нас строе все тесно связано одно с другим и для достижения желаемых результатов одних хороших намерений еще недостаточно; пока не уничтожен этот строй, никакое улучшение невозможно. Он существует исключительно с целями эксплуатации и угнетения, а мы не хотим улучшать ни того, ни другого: мы хотим совсем их уничтожить.

Это – естественный вывод, к которому неизбежно придет всякий, кто сумеет подняться над узкой точкой зрения и охватить вопрос в его целом; он поймет, что революции зависят не только от воли людей, но и от того, что существующие учреждения преграждают путь

прогрессу, и увидит, что они – явление необходимое и неизбежное.

Пусть все, кто искренно хочет служить человечеству, усвоят себе раз и навсегда ту мысль, что даже в интересах их собственных планов, они не должны враждебно относиться к Революции, не должны противодействовать ей. Только она одна может помочь им достигнуть цели, потому что только она может помешать общественным паразитам убить прогресс в самом зародыше, или обратить его в свою пользу.

Реформы, реформы! Когда же, наконец, люди поймут, что они употребляют на достижение их свои лучшие силы, никогда ничего не достигая, что пора уже им перестать бороться за эти утопии – гораздо более опасные, чем мысль о полном освобождении, потому что единственный упрек, который можно сделать последней – упрек в неосуществимости – ни на чем не основывается, потому что такой попытки никогда еще не было сделано, тогда как, чтобы убедиться в бесполезности любой реформы, стоит только посмотреть на её осуществление на практике.

Анархистов упрекают в том, что они служат помехой мирному освобождению рабочих, что они отрицают всякие реформы. Но в этом заключается двойная ошибка: анархисты вовсе не противники реформ, они восстают вовсе не против них, а против тех ложных обещаний, которые возводят в цель то, что, в действительности, есть в лучшем случае лишь заплатка на старой вещи, а то и простой обман.

Пусть те, кто верит в реформы, старается над их осуществлением; мы не имеем против этого ровно ничего, даже напротив: чем больше буржуазное общество их испробует, тем скорее рабочие увидят, что они ни к чему не ведут. Но мы восстаем против того, что их изображают каким-то все исцеляющим средством, когда рабочим говорят: «Ведите себя смирно, тихо и спокойно, а тогда мы посмотрим, что можно для вас сделать!»

Тогда-то мы, понявшие, что реформы бесполезны и что эксплуататоры, вообще, занимают место, по праву им не принадлежащее, мы говорим рабочим: «Вас обольщают ложными надеждами; все эти реформы – ничто иное, как обман. Кроме того, вас хотят заставить просить их, как милостыни, тогда как вы имеете право требовать гораздо большего. Если вы хотите испробовать предлагаемые вам средства, это – ваше дело; но знайте заранее, что они нисколько не будут содействовать вашему освобождению. Поэтому, не оставайтесь долго в том заколдованном круге, в который вас хотят вовлечь, а организуйтесь для того, чтобы завладеть всем, на что вы имеете право. Пусть те, кто не может поспешить за общим движением, продолжают, если хотят, поддаваться обману; вы же знайте, что революция уже надвигается на вас с своей грозной силой, что ее порождает сам наш общественный строй и что она волей-неволей вынудит вас взяться за оружие, чтобы заставить признать ваше право на существование. А раз у вас окажется оружие в руках, то не будьте же настолько глупы, чтобы удовольствоваться какими-нибудь реформами, которые оставят нетронутым самый корень зла. Вот – то, что у вас отняли, вот – идеал, к которому вы должны стремиться; теперь уже ваше дело не останавливаться на пустяках и суметь нанести решительный удар тому подгнившему и со всех сторон разрушающемуся зданию, которому еще решаются давать название Общества! Не старайтесь подпирать его, или накладывать на него заплатки; наоборот, очистите место сразу, чтобы потом вам не было помех в построении нового, лучшего общества.

Версия #1

██████████ ██████████ создал 8 июля 2025 17:17:09

██████████ ██████████ обновил 8 июля 2025 17:17:28